

И.В. Саморукова

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: samorukov@inbox.ru, ORCID: N [0000-0003-3671-9220](https://orcid.org/0000-0003-3671-9220)

Бессилие техники и витальность космоса: Лем и Стругацкие

Аннотация: Колонизация космоса с помощью техники – главная тема научной фантастики периода ее расцвета (вторая половина 1950-х - середина 1960-х годов). В статье исследуется, как меняется изображение техники, ее функций, гуманитарных последствий использования. Романы Станислава Лема и повести братьев Стругацких ставят под вопрос всеисилие техники – вершины рационального гения человечества. В столкновении с иной витальностью космоса техника часто неэффективна, если не вовсе бессильна. К концу 1960-х годов из научной фантастики уходит тема техники как орудия экспансии человека и человечества. Ее мир превращается в экспериментальное, виртуальное пространство, внутри которого происходят различного рода психологические коллизии, актуализирующие рефлекссию и нравственный выбор персонажа.

Ключевые слова: научная фантастика, колонизация космоса, утопия, героика, виртуальное пространство.

Благодарности: автор выражает благодарность А.Ю. Нестерову за научную мотивацию исследования.

Введение

Жанр научной фантастики возник в конце позапрошлого века как повествование о могуществе техники, своеобразная техническая утопия (Бритиков 1970, Дубин 2001, Березин 2021). Техника изображалась орудийно. Она расширяла и замещала физические способности человека, открывая возможность экспансии в недоступные среды (недра, океан, космос). Сюжет многих научно-фантастических романов – это нарратив покорения и попытки колонизировать, обжить эти, как правило, недружественные человеку среды. Миссию осуществляют герои в полном эпическом смысле этого понятия: вооруженные научно-техническими знаниями «аргонавты».

Героя-землянина, как правило, представляет мужественный специалист-техник. У С. Лема и Стругацких среди членов экипажей, этих сплоченных команд покорителей далеких сфер, встречаются и гуманитарии: историки, лингвисты, но и их знания также востребованы орудийно, как набор приемов, помогающих решить конкретную проблему экспансии. В частности, проблему коммуникации с аборигенами далеких планет. В повести Стругацких «Попытка к бегству» (1962) языковой барьер легко преодолевается техническим устройством, которое синхронно переводит неземную речь. Обратим внимание, что сама возможность подобного перекодирования под сомнение еще не ставится.

Колонизация космоса с помощью техники – главная тема научной фантастики периода ее расцвета (вторая половина 1950-х - середина 1960-х годов) (Бритиков 1970). Цель статьи: проследить, как меняется изображение техники, ее функций, гуманитарных последствий использования в период, вошедший в историю под названием НТР – научно-техническая революция. Эта революция сопровождается серьезными социальными и гуманитарными сдвигами, изменением представлений о цели и смысле прогресса. Научная фантастика как жанр популярной литературы, востребованный миллионами

читателей, сыграла в обсуждении этих проблем заметную роль. В частности, романы Станислава Лема (гуманитария и популяризатора научно-технических достижений) и повести братьев Стругацких (Аркадий был гуманитарием, Борис – ученым-астрономом) (Скаландис 2008) ставят под вопрос всемогущество техники – вершины рационального гения человечества. В столкновении с иной витальностью космоса техника часто неэффективна, если не вовсе бессильна.

Ход исследования

1. В фантастической утопии Стругацких «Полдень XXII век» (1961) вера в возможности техники почти безгранична. Именно техника позволяет сделать коммунистический проект глобальным. Согласно доктрине, коммунизм есть советская власть плюс электрификация, то есть техническая инструментальная база. Землей управляет Мировой совет, а потребности сознательных граждан, которым «интереснее работать, чем отдыхать», удовлетворяются с помощью различных устройств.

Но даже в утопическом мире техника может не все. В частности, суперкомпьютеру, расположенному в Новосибирском Академгородке, не удалось записать, говоря современным языком, оцифровать мозговую деятельность умирающего гениального ученого. Несмотря на то, что мобилизовали энергетическую мощь всей Сибири, ради чего отключили электричество всюду, кроме центра, где работал суперкомпьютер, эксперимент провалился. Машина перегрелась и вырубилась, а, пока чинили, ученый скончался.

По типу сюжета «Полдень» не слишком отличается от соцреалистической фантастики, вроде «Семи цветов радуги» В. Немцова (1950), где мир будущего представлен как череда растущих достижений. По сути, это воплощенная утопия, где техника решает все проблемы. Героизм превратился в вид экстремального спорта. Нужно специально изыскивать сферу его применения, то есть какую-либо неосвоенную сферу, вроде подводного земледелия. Пожилой космический десантник Горбовский, сквозной персонаж Стругацких исследуемого периода, в «Полдне» жалуется на скуку. В мире «Полдня» люди живут сколько хотят долго, и без всякого пафоса Горбовский размышляет о собственном конце. Героический сюжет экспансии исчерпан. Чудесная техника «в мире Полдня» стала обыденностью, мир застыл.

2. В написанном практически одновременно с «Полднем» научно-фантастическом рассказе «Ночь на Марсе» (1960) проблематизируется не столько всемогущество техники будущего, сколько «сопротивление» колонизируемой среды, почти отсутствующее в утопии. Сюжет рассказа – производственный. Двое врачей отправляются на экстренный вызов: принимать роды колонистки, то есть помочь появиться на свет первому человеку-марсианину. Их квест начинается с отказа техники. Летательный аппарат «глайдер» проваливается в каверну, и героям приходится идти пешком. У ранних Стругацких в космические экспедиции отбираются люди с хорошей физической подготовкой (т.е. способные обойтись и без техники). Важно, что в ходе миссии герои-колонизаторы неожиданно сталкиваются с иной формой витальности, с негуманоидной формой жизни, коммуникация с которой – проблема, выходящая за пределы технической рациональности. В рассказе «Ночь на марсе» эта витальность представлена загадочным существом, называемым «нечто, всегда нападающее справа».

Важно отметить, что речь идет не животных. Инопланетные животные – тахорги, мимикродоны – экзотичны, но вполне постигаемы в своих повадках, как и земные твари. Колонизаторы-земляне сталкиваются с некой организованной жизнью, принципиально отличной от всех видов гуманоидной цивилизации. Иное разумно, в том смысле, что обладает логикой витальности, которая тоже стремится к экспансии. Или защищается? Эту загадку инопланетянам решить непросто. Техника, представляющая собой рационализированную ортопедию ограниченных возможностей человека как биологического существа, против витальной силы космоса неэффективна, бессильна.

Вот как описывается это бессилие в повести братьев Стругацких «Беспокойство», первом варианте будущей «Улитки на склоне» (1966), где столкновение миссии землян («Базы») и иного типа витальности («Леса») становится сюжетообразующим мотивом:

«Кабинет Поля с экранами и селекторами межзвездной, планетной и внутренней связи, с фильмотеками, с информаторием, с планетографическими картами олицетворял на Пандоре то же, что здание Мирового совета на Земле: здесь было сосредоточено управление планетой. Но в отличие от Мирового Совета директор Базы мог управлять только ничтожным кусочком территории своей планеты, крошечным каменным архипелагом в океане леса, покрывавшего континент. Лес не только не подчинялся Базе, он противостоял ей со всеми миллионами лошадиных сил, с ее вездеходами, дирижаблями и вертолетами, с ее вирусофобами и дезинтеграторами. Собственно, он даже не противостоял. Он просто не замечал Базы» (Стругацкий А, Стругацкий Б., с.21).

3. Сегодня техника будущего, изображаемого научной фантастикой, выглядит наивно. Самое архаичное в научной фантастике, самое недолговечное – это как раз описание технических устройств, которое в значительной степени является конвенциональным, то есть общим для жанра и коррелирует с техническими знаниями эпохи создания научно-фантастических текстов. Так, с конца пятидесятых космос бороздили фотонные ракеты. К середине 60-х годов Лем и Стругацкие теряют интерес к детальному описанию технических устройств. В «Непобедимом» (1962) Станислава Лема описание таких устройств пронизано иронией и литературной игрой:

«Аппарат этот на палубном жаргоне называли «замогильный фонендоскоп». Если человек умер недавно или если тело не подверглось разложению – как в данном случае, из-за холода, – можно было этим аппаратом «прослушать» мозг, точнее говоря, то, чем было заполнено сознание в последние минуты» (Лем 1993, с. 43).

В приведенном фрагменте содержится отсылка к рассказу Эдгара По «Правда о том, что случилось с мистером Вольдемаром» – фантастической истории о месмеризме, способном контактировать с затухающим сознанием умирающих. Этой аллюзией Лем демонстрирует литературную преемственность жанровой условности.

С середины шестидесятых годов техника будущего в мире Стругацких просто есть. Проблематизации подвергается не взаимоотношение человека и техники, а контакт с альтернативной витальностью. В этом контакте герой научной фантастики – мужчина-звездолетчик, космический десантник – не может полагаться ни на помощь машин, ни на свои земные знания. Он превращается в субъекта рефлексии, которую инициирует контакт с неземной витальностью. Герой теперь размышляет о праве на экспансию, испытывая беспокойство, не станет ли человечество объектом вмешательства со стороны иной, негуманоидной жизни, цивилизации, энергии.

В «Непобедимом» (1962) Лема земная супертехника проигрывает сражение механическим кустам, особой форме витальности планеты Регис III, самовоспроизводящимся простейшим механизмам. Герой спасается лишь потому, что ему удается постичь логику иного. Это логика живого, и взаимодействовать с ним нужно как с живым, с насекомыми.

В повести Стругацких «Улитка на склоне» земляне представлены не мужественными супергероями, а рефлексирющими, сомневающимися и в себе, и в реальности персонажами. Это филолог Перец и забывший свое подлинное имя бывший десантник Кандид, жертва витальной силы Леса. Перец мечтает попасть в лес, постичь его язык, то есть способ коммуникации, Кандид пытается сбежать из Леса, вернуться на базу, но его мозг, захваченный инопланетной витальностью, не способен вспомнить дорогу назад. Оба скорее жертвы, чем покорители иной планеты.

Еще более остро эта мысль звучит в повести Стругацких «Жук в муравейнике» (1979), где Земля становится предметом экспансии негуманоидной цивилизации Странников. Цели этой цивилизации неясны, очертания и структура не наблюдаемы. Известно лишь, что она выбирает своим орудием людей.

Так смещается тренд научной фантастики: от упования на всемогущество техники до сомнения в ее возможностях для колонизации других планет, а вслед за этим, в самом смысле колонизаторской миссии. Техника в научной фантастике не выглядит удивительным и необычным (Тодоров 1997). Зато иное – негуманоидное – им является. Оно и есть истинно фантастическое: нечто, находящееся в зоне неопределенности (Тодоров 1997, с. 18), то, к чему (кому) обращен вопрос: что (кто) ты такое?

Контакт с иным, если он возможен, осуществляется не благодаря технике, а посредством витальных, биологических энергий, как в океане «Солярис» (1961), «разговаривающим» с людьми образами их прошлого, их душевных травм и сомнений.

4. Что касается гуманоидных инопланетных цивилизаций, то с середины шестидесятых годов они все реже изображаются как технически и социально высокоразвитые. Скорее – наоборот. Инопланетные цивилизации более отсталые, чем Земля с ее Мировым Советом («Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» Стругацких), а то и вовсе гибнущие или уже исчезнувшие. Представители космической витальности все меньше похожи на гуманоидов. Это могут быть альтернативные человеку разумные существа, как собаководные голованы с планеты Саракш («Жук в муравейнике»), биосимбиоз женского и растительной среды («Улитка на склоне»), нечто подобное ноосфере («Солярис») или самовоспроизводящиеся механизмы, похожие на кусты («Непобедимый»). Техника в орудийном смысле на других планетах – неприменима, малоэффективна или оборачивается против колонизаторов – землян. В центре повествования оказываются нравственные и прочие духовные способности героя, которого подводит техника, так что он становится как бы голым человеком и в этом качестве побеждает или проигрывает.

Витальность иных форм жизни сильнее рациональности человека и техники как материализации этой рациональности. Коммуникативные возможности техники также сомнительны. С ее помощью мы можем зафиксировать послание, которое можно дешифровать с тем же успехом, что таинственный голос бога. Этой теме посвящен научно-фантастический роман-трактат Станислава Лема «Глас Господа» (1967).

Заключение

Таким образом, из научной фантастики уходит идея техники как орудия экспансии человека и человечества. Ее мир превращается в экспериментальное, виртуальное пространство, внутри которого происходят различного рода психологические коллизии, актуализирующие рефлексию и выбор персонажа. Технический проект научной фантастики все более становится похож на художественную литературу, которая, по выражению Ю.М. Лотмана, обогащает наш человеческий опыт, представляя возможность совершить выбор там, где повседневная жизнь такую возможность не дает (Лотман 1994, с. 433).

Источники фактического материала

Лем С. Глас Господа // Лем С. Мир на земле. Глас Господа. Верный робот: Телевизионная пьеса. Собр. соч. в 10 тт. Т.9.М.: Текст, 1994. С.213-386.

Лем С. Непобедимый // Лем Сю Непобедимый: Роман. Рассказы. Собр. соч. в 10 тт. Т.3. М.: Текст, 1993. С.5-150.

Лем С. Солярис // Лем С. Солярис. Возвращение со звезд: Романы. Собр. соч. в 10 тт. Т.2. М.: Текст, 1992. С.5-182.

Немцов В. Семь цветов радуги. М.: Молодая гвардия, 1950. 536 с.

Стругацкий А. Стругацкий Б. Беспокойство. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/b00.htm> (дата обращения 20.09.2022).

Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. Фиджи: Ностальгия, 1980. 165 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Ночь на марсе. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70402&p=1> (дата обращения 20.09.2022).

- Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. М.: Детская литература, 1971. 320 с.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень XXII век. М.: Детская литература, 1967. 320 с.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=35287&p=1> (дата обращения 20.09.2022).
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света: Повести. М.: Советский писатель, 1985. С.257-414.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=86736&p=1> (дата обращения 20.09.2022).

Библиографический список

- Березин, В. Необычайное: Критика, публицистика, эссе. СПб: Аураинфо, 2021. 498 с.
- Дубин, Б. Литература как фантастика: письмо утопии // Дубин, Б. Слово - письмо – литература: Очерки по социологии современной литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.20-41.
- Бритиков, А.П. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- Лотман, Ю. М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гносис, 1994. С.432-441.
- Саморукова, И. «Эффект реальности» в научно-фантастической литературе // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема. Самара: Самарская гуманитарная академия 2020. С 311-316.
- Скаландис, А. Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008. 702 с.
- Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1997. 144 с.

А.Е. Сериков

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер»)⁶

Аннотация: В статье оспаривается утверждение Н. Фрая и Ц. Тодорова, что литература создаётся только на основе литературы. Именно реальность, в конечном счёте, является источником художественных произведений. Реалистические описания вполне могут присутствовать в фантастических произведениях, и большинство читателей интуитивно понимают, какое из описаний является реалистическим, а какое – фантастическим. Но для

⁶ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Сериков А.Е. Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер») // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №3. С. 32-38.